

Раиса Михайловна Тонкова-Яковкина

ДВИЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС ПАРИЖА 45 сентября 1793 г. («ПЛЕБЕЙСКИЙ НАТИСК»)

**Из ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ
и МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Сборник статей в память

академика Евгения Викторовича Тарле

М.: издательство АН СССР. 1957. С.209-223

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Тематические материалы даны нами после статьи

Восстание 31 мая — 2 июня 1793 г. было новой вехой в движении французской буржуазной революции конца XVIII в. по восходящей линии. Оно закончилось изгнанием из Конвента жирондистских вождей и установлением революционно-демократической якобинской диктатуры.

Якобинская диктатура опиралась на образовавшийся накануне перелома 31 мая — 2 июня блок, в который входила революционная буржуазия, плебейские массы города¹ и крестьянство. Различные по своему социальному положению элементы, входившие в якобинский блок, были объединены общими задачами.

Якобинцы посвятили летние месяцы 1793 г. задаче упрочения якобинской диктатуры, сохранения и закрепления за ней поддержки широких народных масс. Аграрное законодательство Конвента (декреты от 3 и 10 июня и от 17 июля 1793 г.) в значительной степени удовлетворило исконные требования крестьянства об увеличении земельных участков и об освобождении земли от феодальной зависимости. Полное освобождение земли от феодальных отношений означало разрешение одной из основных задач, стоявших перед буржуазной антифеодальной революцией, и обеспечивало якобинской диктатуре поддержку со стороны главной массы населения страны — крестьянства.

Одним из мероприятий якобинцев, неотложность которого диктовалась международным и внутривнутриполитическим положением Франции, была разработка в недельный срок нового проекта Конституции. Однако этот проект не оправдал надежд широких народных масс. При всей своей прогрессивности, новый основной закон республики выражал по существу классовые интересы буржуазии и приносил им в жертву социально-экономические требования беднейших слоев населения.

Новый проект Конституции встретил оппозицию как справа, так и слева.

Справа против Конституции 1793 г. выступали жирондисты. Те из них, которые остались в Конвенте, воздержались от участия в голосовании декрета о ее принятии. Бежавшие же из Парижа вожди Жиронды, перекинувшись в лагерь контрреволюции и установив контакт с роялистами, разжигали в провинции гражданскую войну и восстанавливали жителей

¹ Социальный состав плебейских масс города не был однородным. Основной силой плебейства был парижский предпролетариат: наемные рабочие мануфактур капиталистического типа, ремесленные подмастерья и т. п. Кроме того, в состав плебейства входили пролетаризирующийся слой мелкой буржуазии, «отходники», т. е. мало-земельные и безземельные крестьяне, пришедшие в город на сезонные работы, и, наконец, просто нищие, зачатки будущего люмпен-пролетариата.

департаментов против Парижа, против Конвента, против нового основного закона.

Противниками Конституции слева были выразители интересов бедноты, так называемые «бешеные», во главе с Жаком Ру, Варле и Леклерком. «Бешеные» были разочарованы итогами восстания 31 мая — 2 июня, потому что явившийся его логическим следствием проект новой Конституции не закреплял того, во имя чего трудящиеся приняли участие в революционном выступлении. Так, в новом проекте основного закона совсем не нашли отражения требования плебейских масс Парижа о введении твердых цен на предметы первой необходимости, о непримиримой борьбе со скупщиками и спекулянтами, о запрещении торговли звонкой монетой и о создании революционной армии из санкюлотов² Парижа для обеспечения этих мероприятий. Не ограничившись выражением своего недовольства проектом Конституции в секции Гравилье и в клубе Кордельеров, вождь «бешеных» Жак Ру огласил 25 июня на заседании Конвента петицию, в которой он подверг новый основной закон резкой критике.

Когда же, тотчас вслед за выступлением Жака Ру, в течение 26—28 июня в Париже произошли волнения на почве отсутствия предметов первой необходимости, якобинцы, группировавшиеся вокруг Робеспьера, объяснили эти волнения не тяжелым материальным положением масс, а контрреволюционной деятельностью «бешеных». Выражая соболезнования по поводу нужды народа, якобинцы советовали голодным санкюлотам набраться терпения и ожидать счастья от хороших законов и от Конституции. Однако, временно не испытывая такой зависимости от парижских санкюлотов, как накануне изгнания жирондистов из Конвента, якобинцы не спешили урегулировать продовольственные затруднения законодательным путем.

Дальнейшее обострение продовольственных затруднений, обусловленных распространением федералистского движения, привело 11 июля к новому взрыву народного недовольства, сопровождавшемуся кровопролитием и явившемуся серьезным предостережением только что обновленному накануне (10 июля) Комитету общественного спасения. Давление со стороны санкюлотов, возглавлявшихся «бешеными», было настолько ошутимым и грозным, что вошедшие в Комитет более радикальные элементы якобинцев, понимавшие, что с ростом народного недовольства растет и угроза революции, высказались за изменение тактики Комитета общественного спасения в области социально-экономической политики и за частичное удовлетворение пожеланий народа. В этом плане был издан декрет об освобождении земли от феодальной зависимости (о котором речь была выше), а 27 июля был принят закон против скупщиков, каравший смертной казнью и конфискацией имущества виновных в скупке продовольствия со спекулятивными целями.

В конце июля, в связи с непрекращавшимися экономическими затруднениями, в Париже снова начались волнения. В эти дни Жак Ру продолжал настаивать на беспощадной расправе с врагами республики — спекулянтами, на конфискации в пользу государства богатств, нажитых на народных бедствиях, и на постановке террора в порядок дня. «На гильотину депутатов всех трех legislатур, жавших руки народа и получавших золото тиранов,— писал Жак Ру 6 августа 1793 г.— На гильотину

² Санкюлотами называли сложный социальный слой, в состав которого входили, с одной стороны, революционная мелкая буржуазия — ремесленники, мелкие служащие, лавочники и т. п., с другой стороны, плебейство

всех тех, кто в течение четырех лет жирел за счет слез несчастных»³. Аналогичные требования предъявлял в своей газете и другой вождь «бешеных» — Леклерк⁴.

Для агитации «бешеных» в июле — августе 1793 г. весьма характерен один анонимный плакат, вышедший, судя по содержанию, из их среды и сохранившийся в Парижском Национальном архиве. «Санкюлоты, друзья мои, — говорилось в плакате, — мы погибнем, если мы еще раз не докажем, что мы достойны быть республиканцами, если мы не истребим без промедления всех заговорщиков, которые хотят нас уничтожить или превратить в рабов путем упразднения республики и восстановления монархии...». Плакат заканчивался следующим призывом к массовому террору: «Санкюлоты, еще раз говорю вам, пусть гильотина действует непрерывно, пусть будут немедленно преданы суду и искупят свои преступления на любезной гильотине мерзкая кровавая Антуанетта-Медичи, изменники-генералы, продавшие Кондэ, Валансьенн, вероломные депутаты, поддерживавшие переписку с объединенными тиранами, мятежники Вандей и отделившихся департаментов, недобросовестные судьи, контрреволюционные священники, спекулянты, интриганы, заговорщики, словом, наши подлинные пиявки... потому что, будьте уверены, мои друзья, до тех пор, пока эти негодяи будут существовать, республика будет в опасности и кровь патриотов не перестанет течь»⁵.

В течение августа месяца, под влиянием непрекращавшихся волнений, якобинцам пришлось пойти на некоторые дальнейшие уступки санкюлотам по линии усиления репрессивных мер в области продовольственной политики, но все это было весьма далеко от удовлетворения основных социально-экономических требований парижской бедноты.

В августе 1793 г. борьба между «бешеными» и якобинцами закончилась поражением Жака Ру и его единомышленников. Когда 18 августа секция Гравилье (секция Жака Ру), произведя нечто вроде переворота, избрала председателем секции Жака Ру, его противники опротестовали это решение перед департаментом полиции Коммуны и встретили поддержку со стороны официальных представителей власти. 22 августа Жак Ру был арестован. В статье, опубликованной в дни пребывания под арестом, Ру писал: «Санкюлоты моей секции, я нахожусь в тюрьме из-за того, что я защищал права человечности и справедливости, из-за того, что я громил общественных пиявок и скупщиков, из-за того, что я говорил правду в глаза вероломным представителям народа и продовольственным чиновникам»⁶.

Через пять дней, по настоянию санкюлотов, Жак Ру был освобожден, и ему не было предъявлено никаких обвинений.

Летом 1793 г. призывы к беспощадной расправе с врагами народа и революции исходили не только из рядов «бешеных». Один из революционеров-демократов — Жак-Ренэ Эбер — заместитель прокурора Коммуны, автор и издатель популярной среди санкюлотов газеты «Пер-Дюшен», горячо поддерживавший в течение летних месяцев 1793 г. все начинания якобинцев, пошел в своих социально-экономических требованиях значительно дальше правящей группы. Газета Эбера в конце июля 1793 г., как

³ «Le Publiciste de la République française par l'Ombre de Marat», № 253, 6.VIII 1793.

⁴ См. «L'Ami du peuple par Leclerc (de Lyon)», № II, X, XI, XIII, XIV et autres.

⁵ Цит. по книге: A. Mathiez La Vie chère et le mouvement social sous la Terreur. 1927, p. 274.

⁶ «Le Publiciste de la République française par l'Ombre de Marat», № 295, 22.VIII 1793.

и «бешеные», тоже требует решительной расправы со скупщиками, реквизиции продовольствия, равномерного распределения его среди нуждающихся и агитирует за активное выступление санкюлотов.

«Пусть все санкюлоты восстанут одновременно и со всех сторон обрушатся на внешних и внутренних врагов»,— писал Эбер 23 июля 1793 г.⁷ «Да, вы, санкюлоты, имеете основание выражать недовольство, испытывая голод среди изобилия,— утверждал Эбер в начале августа,— но когда вы захотите, голод прекратится. Разве у вас нет хороших рук, чтобы уничтожить скупщиков? — спрашивал он.— Разве у вас нет хороших ног, чтобы пойти разыскать недостающий вам хлеб у толстых фермеров, которых его прячут?»⁸

В последующих номерах газеты Эбера как в зеркале отражалось нарастающее обострение классовых противоречий, ненависть голодного люда к богачам, угроза близящегося выступления народных масс на защиту своих кровных интересов⁹, что, действительно, и произошло 4 и 5 сентября 1793 г.

Эта демонстрация, которая явилась внешним выражением недовольства санкюлотов социально-экономической политикой якобинцев, представляет собою одну из ярких страниц в истории французской буржуазной революции 1789—1794 гг.

Мы видели, что процесс упрочения якобинской диктатуры в летние месяцы 1793 г. протекал в условиях тяжелых продовольственных затруднений, сопровождавшихся народными волнениями. Дороговизна предметов первой необходимости, отставание заработной платы от рыночных цен, перебои в снабжении хлебом и прочими продуктами питания, обесценение ассигнаций и т. д.— все это углубляло водораздел между имущими и неимущими и ставило под угрозу дальнейшее существование республики.

В конце августа 1793 г. секретные агенты министерства внутренних дел доносили начальству о трудностях, испытываемых населением при покупке хлеба. Так, один из них, Перьер, писал 27 августа: «Вместо того, чтобы уменьшаться, затруднения с получением хлеба увеличиваются в такой степени, что вызывают тревогу: некоторые смогли получить хлеб только после того, как они с четырех часов утра простояли в течение семи часов у дверей булочной»¹⁰.

В следующие дни было не лучше. Газета «Французский вестник» писала, что «3 сентября ... давка у булочников была еще больше; с полночи около их лавок толпились мужчины и женщины, но они смогли получить хлеб только с пяти до десяти часов утра. В некоторых местах поспешность граждан при обеспечении себя продовольствием вызвала некоторые беспорядки, неизбежные при большом скоплении народа»¹¹.

Продовольственный кризис, переживавшийся республикой осенью 1793 г., совпал с ухудшением международного и внутривнутриполитического положения Франции. Летом 1793 г. Англия не без успеха приложила усилия к тому, чтобы сплотить все реакционные силы Европы для подавления революционного движения во Франции. Войска коалиции, одерживая одну победу за другой, проникли вглубь французской территории. В июле 1793 г. были заняты крепости Кондэ, Валансьенн и Майнц. 28 августа жи-

⁷ «Père Duchêne», № 263, 23.VII 1793.

⁸ Ibid., № 270, около 8.VIII 1793.

⁹ См. ibid., № 272, 13.VIII 1793; № 273, около 15.VIII 1793 и др.

¹⁰ P. Caron. Paris sous la Terreur, t. II, 28.VIII 1793; A. Schmidt. Tableaux de la Révolution française, t. II, p. 104.

¹¹ «Le Courrier français», 6.XI 1793.

рондисты сдали англичанам и испанцам важнейший порт на Средиземном море — Тулон; ожидалась высадка английских войск и эмигрантских отрядов на севере Франции — в Бретани. Одновременно с иностранными военными интервентами, вандейцы и контрреволюционные мятежники одерживали успехи на юге, на западе и в центральных департаментах; Марсель, Канн, Ницца — на юге, Бордо — на западном побережье, Лион — в центре Франции находились в руках внутренних врагов республики.

Обострение экономического положения страны, рост контрреволюционного движения и неудачи в борьбе с интервентами, поставившие республику в критическое, почти безнадежное положение, заставили представителей наметившегося в августе 1793 г. в рядах якобинцев левого течения выступить с более решительными требованиями об усилении террора против внутренних врагов республики. Принадлежавший к этому течению Эбер, выступая в клубе Кордельеров, советовал санкюлотам «избавить трибунал от всяких юридических формальностей, собраться у якобинцев, добиться образования двенадцати революционных трибуналов и чистки того, который уже существует, потребовать суда над Бриссо и смерти всех его сообщников, потому что они еще имеются в Конвенте, возможно, на Горе»¹².

30 августа якобинец Ройе, тоже входивший в состав левого крыла якобинской коалиции и игравший в эти тревожные дни одну из первых ролей, потребовал поставить террор в порядок дня. «Это единственное средство разбудить народ и заставить его спасти самого себя», — заявил он¹³.

2 сентября якобинец Дефье, выступая в Якобинском клубе, повторил внесенное им накануне предложение о создании 10—12 революционных трибуналов, избавленных от всяких формальностей¹⁴.

В то же время в Якобинском клубе раздавались настойчивые требования о смещении бывших аристократов со всех занимаемых ими постов, и был составлен соответствующий адрес Конвенту¹⁵.

Приведенные факты свидетельствовали о том, что накануне событий 4—5 сентября радикально настроенные левые якобинцы стали выдвигать в Якобинском клубе требования об усилении террора, на чем в течение лета 1793 г. так безуспешно настаивали «бешеные».

На основании петиции, которую 2 сентября граждане секции Санкюлотов подали народным представителям, можно составить представление о настроении парижских санкюлотов накануне событий 4—5 сентября 1793 г. «До каких пор вы будете терпеть, — спрашивали петиционеры депутатов Конвента, — чтобы роялизм, честолюбие, эгоизм, интрига и скупость в соединении с фанатизмом отдавали наши границы тирании и всюду несли разрушение и смерть?» Затем санкюлоты требовали, чтобы Конвент «установил твердые цены на продукты первой необходимости, максимум заработной платы, прибылей от промышленности, барышей от торговли». «Ну да! скажут вам аристократы, роялисты, умеренные, интриганы, — говорилось в петиции, — это значит посягать на собственность, которая должна быть священна и неприкосновенна... Но разве они не знают, эти негодяи... разве они не знают, что основу собственности составляют лишь физические потребности?» Кроме максимума на продовольствие,

¹² Цит. по книге: G. Walter. Histoire de la Terreur. Paris, 1946, p. 17.

¹³ A. Aulard. Société des jacobins, t. V, p. 383.

¹⁴ Ibid., p. 386.

¹⁵ Ibid. б. 381, 382, 383 и etc.

заработную плату и т. д., кроме системы социального обеспечения¹⁶, санкюлоты требовали строгого ограничения права собственности. «Чтобы был установлен максимум состояний,—говорилось в петиции.—Чтобы один и тот же человек не мог иметь больше одного такого максимума. Чтобы никто не владел большим количеством земли, чем положено на определенное количество плугов. Чтобы один и тот же гражданин имел лишь одну мастерскую или одну лавку»¹⁷.

Характерно, что в этой петиции были изложены насущные требования не только санкюлотов города, но и деревенской бедноты, и было конкретизировано ограничение права собственности.

2 сентября в Париже распространились слухи о позорной измене тулонцев-жирондистов и о сдаче ими города интервентам. Самый факт падения Тулона явился лишь поводом для «сильного сердцебиения», для возникновения революционного кризиса, для активного выступления народных масс на защиту своих кровных интересов.

Движение народных масс, подготовленное длительными материальными лишениями и все возрастающим страхом за судьбу революционных завоеваний, началось 4 сентября в Сент-Антуанском предместье, населенном, по преимуществу, рабочими и ремесленниками.

В этот день с 5 часов утра патриоты, стоявшие во главе движения, направились в мануфактуры и мастерские, чтобы призвать рабочих к участию в демонстрации. Бросив работу, рабочие собирались на улицах и громко выражали свое недовольство затруднениями с хлебом и низкой заработной платой. К рабочим присоединились ремесленники, тоже страдавшие от дороговизны жизни. Из предместья Сент-Антуан демонстранты пошли в центр города — к Гревской площади. По дороге они обращались к рабочим, занятым на строительстве, убеждали их бросить работу, и те тоже присоединялись к ним.

К двум часам дня на Гревской площади собрались демонстранты со всех концов города. К ним примкнули служащие расположенного по соседству Первого отделения военного министерства, в котором было много сторонников левых якобинцев. На площади, при активном участии рабочих, была составлена, оглашена и одобрена всеми собравшимися петиция, содержащая пожелания народа. Специально избранная делегация должна была предстать ее муниципалитету.

В 4 часа дня делегаты народа встретились с представителями Коммуны. «Граждане,—заявляли петиционеры,—трудности в получении хлеба у булочников являются причиной того, что мы приходим и прерываем на время важные дела, которыми вы заняты. Два месяца мы страдали молча, в надежде, что все это кончится, однако, наоборот, беда увеличивается с каждым днем»... и т. д.¹⁸

К концу дня народ заполнил здание Ратуши и стал требовать у мэра Паша объяснений о причинах и виновниках голода и о наличии в городе продовольствия. «Хлеба, хлеба, дайте нам хлеба!» — кричали санкюлоты. В этот критический момент прокурор Коммуны Шомет поспешил в Конвент, чтобы сообщить законодателям о народном волнении. Он вернулся

¹⁶ В проекте системы социального обеспечения значилось следующее требование: «Чтобы все земледельцы, которые из-за несчастного случая не собрали урожая, получили возмещение убытков из государственного казначейства».

¹⁷ Цит. по статье: A. Soboul. Les papiers des sections parisiennes. «Annales historiques de la Révolution française», 1950, p. 99—100.

¹⁸ Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution française, t. XXIX, p. 27.

к голодным демонстрантам с выпиской из протокола Конвента о составлении проекта декрета о максимуме на предметы первой необходимости. «Нам нужны не обещания, а хлеб и немедленно»,— крикнули ему в ответ собравшиеся¹⁹.

Для того чтобы внести успокоение в возбужденную толпу и превратить ее в мирных петиционеров, представители муниципалитета заявили о своей полной солидарности с требованиями, изложенными в народной петиции. Это спасло положение. Коммуна устояла только потому, что она подчинилась народному движению, овладела им и возглавила его. «Я тоже был бедняком,— сказал собравшимся Шомет,— поэтому я знаю, что такое бедняки. Сейчас происходит открытая война богачей против бедняков: они хотят раздавить нас, ну что же, надо их предупредить — мы сами должны раздавить их, в наших руках сила»²⁰. Шомет внес два предложения: во-первых, добиться того, чтобы 5 сентября все булочники столицы были обеспечены дневным запасом муки; во-вторых, потребовать принятия Конвентом декрета о немедленном создании революционной армии, которая должна реквизирует зерновой хлеб, обеспечить набор рекрутов, способствовать подвозу продуктов, пресекать ухищрения богатых эгоистов и предавать их суду²⁷. По существу, второе предложение Шомета сводилось к мероприятиям, на которых в последние дни усиленно настаивали «бешеные» и левые якобинцы.

Эбер, заместитель прокурора Коммуны, горячо поддержал Шомета. «Пусть весь народ завтра же отправится в Конвент,— сказал он,— пусть он окружит его, как он делал это 10 августа, 2 сентября и 31 мая, и пусть он не расходится до тех пор, пока народные представители не декретируют мер, необходимых для нашего спасения... пусть революционная армия выступит тотчас же, как только будет принят декрет о ней, но, главное, пусть каждую колонну армии сопровождает гильотина»²².

Все внесенные предложения были приняты единогласно, и народ поручил Генеральному Совету Коммуны составить соответствующую петицию Конвенту. Затем демонстранты разошлись по домам, с тем чтобы на следующий день, в 11 часов утра, собраться в Ратуше, обсудить петицию и снести ее в Конвент.

Прежде чем перейти к событиям 5 сентября, необходимо сказать несколько слов о реакции Якобинского клуба на выступление народных масс 4 сентября. В этот день вечером, когда голодная толпа осаждала в Ратуше мэра Паша, Робеспьер выступил в Якобинском клубе с большой речью. Он предупредил собравшихся, что, по имеющимся у Комитета общественного спасения достоверным сведениям, контрреволюционеры пытаются воспользоваться продовольственными затруднениями, чтобы возбудить народ против Коммуны и Конвента.

В то же время Робеспьер пытался, по-видимому, внести успокоение в ряды собравшихся на трибунах санкюлотов широковещательными, но довольно туманными обещаниями. «Что касается продовольственной политики,— заявил он,— то мы примем мудрые, но в то же время грозные законы, которые, обеспечивая все средства существования, навсегда уничтожат скупщиков, доставят все необходимое народу, предупредят все заговоры, все коварные козни, замышляемые врагами народа... Если бы мы встретили слишком много препятствий при осуществлении правосудия

¹⁹ Buchez et Roux. Op. cit., t. XXIX, p. 27.

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid., p. 28.

над изменниками, заговорщиками, скупщиками, то мы предложили бы самому народу осуществить правосудие»²³.

Робеспьер закончил свое выступление призывом к единению и подчинению властям, а также заявлением, «что в Коммуне [мэра] Паша обременяет просьбами о помощи не народ, а несколько интриганов, которые ругают его, оскорбляют и угрожают ему»²⁴.

В этом выступлении Робеспьер проявил свою классовую ограниченность — непонимание того, что истинная причина волнений лежала не в происках «интриганов», под которыми он подразумевал агентов английского министра Питта, а в противоречиях между имущими и неимущими.

На этот раз Робеспьеру не удалось увлечь за собой якобинцев. По предложению Леонара Бурдона, Якобинский клуб выделил делегацию в составе 20 членов и поручил ей проверить факты на месте. Явившись в Генеральный Совет Коммуны во главе с Леонаром Бурдоном и осведомившись обо всем происшедшем, делегация заверила муниципалитет, «что депутаты-монтаньяры постараются завтра содействовать тому, чтобы Конвент декретировал те мероприятия, которые намечены народом по согласованию с магистратом»²⁵.

После ухода делегации, отправленной в Коммуну, на продолжавшемся заседании Якобинского клуба выступил левый якобинец Ройе. Он выразил недоверие Конвенту и его комитетам и пригласил членов клуба к участию на следующий день в большой народной демонстрации, которая должна была, по его словам, завершиться немедленным арестом всех подозрительных.

Когда Леонар Бурдон вернулся с делегацией из Ратуши и доложил о событиях дня, якобинцы приняли решение — повести на следующий день народ в Конвент.

4 сентября явилось днем смотра сил левых якобинцев. В этот день на их стороне оказались и Коммуна и Якобинский клуб, было осуществлено единение муниципалитета, Коммуны и секций и приняты меры к мирному развитию событий следующего дня, когда народ должен был предъявить свои требования Конвенту.

На следующий день, 5 сентября, в 12 часов 15 минут, вчерашние демонстранты пришли в зал Генерального Совета Коммуны, но в довольно ограниченном числе. Они выслушали петицию, составленную Шометом, одобрили ее, и делегация Коммуны направилась в Конвент. Во главе делегации шли Паш, Шомет и Эбер, за ними около 20 членов Генерального Совета, малочисленная делегация рабочих (что следует особо отметить) и несколько членов Якобинского клуба, посланных утром в Коммуну. Когда делегация находилась на Новом Мосту, к Шомету подошел неизвестный человек, оказавшийся, как это было выяснено впоследствии, рабочим-типографом по имени Тиже. Назвав Шомета интриганом, Тиже указал на то, что петиция, которую тот нес в Конвент, «предает волю народа», так как не отражает всего того, о чем просил народ (можно предположить, что Тиже был одним из главных составителей петиции, переданной накануне муниципалитету от имени народа). Эбер схватил Тиже за шиворот, а Шомет, по его собственному выражению, «пренебрег этим насекомым»²⁶.

²³ Buchez et Roux. Op. cit., t. XXIX, p. 25.

²⁴ Ibid., p. 26.

²⁵ Ibid., p. 28—29.

²⁶ Об этом инциденте Шомет сам рассказал в тот же день вечером на заседании Генерального Совета Коммуны, когда он увидел Тиже среди присутствовавшей пуб-

Когда делегация Коммуны явилась в Конвент, мэр Паш как глава делегации произнес небольшое вступительное слово, в котором упомянул о причинах, вызвавших голод: «Недостаток в снабжении продовольствием происходит из-за несоблюдения законов, из-за эгоизма и недоброжелательства крупных фермеров. Народ, утомленный этими ухищрениями,— закончил Паш,— пришел предъявить вам свои пожелания»²⁷.

Затем выступил Шомет. В своей довольно пространной петиции²⁸ он обрушился на новых богачей, на скупщиков, на внутренних врагов революции. Выразив основное желание народа: «продовольствие, а чтобы его иметь, необходимо придать силу закону»,— Шомет потребовал организации революционной армии, но ничего не сказал о конкретном требовании народа — обеспечить булочников дневным запасом муки, которое было поддержано им накануне.

Не располагая текстом тех пожеланий, которые санкюлоты сформулировали 4 сентября 1793 г. на Гревской площади и которые были переданы муниципалитету, трудно сказать, какое отражение они нашли в петиции Коммуны. Косвенные данные говорят о том, что в этой петиции народ требовал «немедленной реквизиции продовольствия, находящегося в Париже в руках скупщиков, контроля над наличными запасами продовольствия, быстрого и показательного наказания нечестных и недобросовестных администраторов»²⁹.

Показательно, что Конвент благосклонно отнесся к выступлению Шомета. Возможно, что по опыту недавних событий 31 мая — 2 июня якобинцы ожидали более решительных шагов со стороны Коммуны. Робеспьер, не поставив на голосование предложений Коммуны, заявил, что «Конвент примет во внимание ее требования», и пригласил делегацию к почетному присутствию на заседании.

После Шомета на трибуну поднялся один из левых якобинцев, Билло-Варенн, недавно вернувшийся из Северной армии, куда он был послан в качестве комиссара Конвента. Его выступление не имело ничего общего с ловкой дипломатией Коммуны. Билло-Варенн начал с резкой критики деятельности Комитета общественного спасения. По его мнению, этот Комитет, «выйдя из берегов, неспособен поддержать порядок и организовать государство»³⁰. Билло-Варенн внес предложение — создать и поставить во главе этого Комитета особую «Комиссию наблюдения — высший орган контроля и государственного управления». «Существуют вещи более важные, чем продукты питания и огороженные участки для их выращивания,— заявил Билло-Варенн³¹.— Надо уметь использовать

лики. Шомет тут же высказал предположение, что Тижэ, «называвший себя рабочим, но носящий тонкое белье»,— агент Питта, покушавшийся на его, Шомета, жизнь. Прокурор Коммуны добился того, что Тижэ тотчас же был отведен в полицию для допроса (см. Buchez et Roux, Op. cit., t. XXIX, p. 50).

²⁷ Ibid., p. 54.

²⁸ Текст петиции Шомета см. *ibid.*, p. 34—38.

²⁹ G. Walter. Op. cit., p. 28.

В этой книге, в «Предварительной заметке» (Note préliminaire), предпосланной «Введению», автор сделал следующую оговорку: «Я в самом строгом смысле слова удалил из этой работы какие бы то ни было примечания, ссылки и т. д... Все цитированные тексты, все воспроизведенные речи являются безусловно строго подлинными. Среди них изрядное количество публикуется впервые». Можно пожалеть о том, что автор лишил свою книгу научного аппарата и привел только выдержки из текста петиции народа, поданной 4 сентября 1793 г., а не весь текст.

³⁰ Цит. по книге: G. Walter. Op. cit., p. 30. См. также «Moniteur» (Réimpression), t. 17, p. 561—562 (в тексте опечатка: p. 521—522).

³¹ Это был намек на предложение Шомета — разбить в парке Тюильри и в окрестностях Парижа огородные участки (см. Buchez et Roux. Op. cit., t. XXIX, p. 38—39).

народное движение, которое возникло на почве слишком продолжительных материальных лишений».

Предложение Билло-Варенна о создании «Комиссии наблюдения» встретило категорический протест со стороны Робеспьера, вступившего за прерогативы Комитета общественного спасения, и Билло-Варенн больше не настаивал на нем. Помимо «Комитета наблюдения», Билло-Варенн потребовал немедленного создания революционной армии и ареста подозрительных. Конвент тотчас же декретировал создание революционной армии, а вместо декрета об аресте подозрительных принял решение о чистке революционных комитетов секций³².

В это время у решетки Конвента появилась делегация от Якобинского клуба и от 48 секций с петицией, составленной Эбером и его единомышленником Ройе. В ней не говорилось о немедленном снабжении населения продовольствием, но зато выдвигались основные требования, на которых давно настаивали «бешеные» и к которым присоединились левые якобинцы: создание революционной армии и странствующей гильотины, проведение быстрейшего суда над арестованными жирондистами, постановка террора в порядок дня и изгнание бывших аристократов с командных постов в армии.

После делегации якобинцев отдельно выступила секция Единства. Она потребовала создания революционной армии и странствующей гильотины, осуществления закона против ажиотажа и скупки продовольствия, быстрого и окончательного суда над Бриссо и его сообщниками и предания Марии-Антуанетты суду революционного трибунала.

При выработке конкретных предложений по выступлениям Билло-Варенн потребовал, чтобы жирондистские министры Лебрен и Клавьер были преданы суду революционного трибунала и чтобы их головы и голова Марии-Антуанетты пали бы в течение восьми дней.

В итоге, во время утреннего заседания 5 сентября Конвент декретировал следующие мероприятия: поставить террор в порядок дня; немедленно организовать революционную армию; реорганизовать революционный трибунал; ввести всеобщий максимум; предать суду бывших министров Лебрена и Клавьера; принять закон об иностранцах³³, и сократить число секционных заседаний до двух в неделю с оплатой их посещений в размере 40 су.

По существу, декреты, принятые 5 сентября под давлением народных масс, представляли собой претворение в жизнь основных положений социально-экономической программы «бешеных»³⁴.

В конце заседания член Комитета общественного спасения Барер заявил о том, что Комитет присоединяется к мерам, вотированным Конвен-

³² Революционные комитеты секций, учрежденные декретом Конвента от 21 марта 1793 г., обладали неограниченными полномочиями для обеспечения спасения отечества и общей безопасности (см. E. Mellié. Les sections de Paris. Paris, 1898, p. 178—233 и Н. И. Кареев. Парижские секции. 1911, стр. 44—53).

³³ Закон об иностранцах предписывал арестовывать всех иностранцев, уроженцев враждебных Франции стран, за исключением рабочих мануфактур и других предприятий, если их благонадежность подтверждалась двумя членами Коммуны, и за исключением иностранных подданных, которые «во время своего пребывания во Франции проявили преданность революции».

³⁴ Из социально-экономической программы «бешеных», изложенной Жаком Ру в его июньской петиции, в декретах 5 сентября не нашли отражения следующие требования: конфискация в пользу волонтеров и вдов богатств, приобретенных ростовщиками и скупщиками во время революции, приведение заработной платы рабочих в соответствие с ростом цен на продукты, арест в качестве заложников жен и детей эмигрантов и заговорщиков, конфискация получаемых ими пенсий и употребление их на военные нужды.

том; Барер заверил собрание, что уже на следующий день Комитет приступит к созданию революционной армии.

Когда повестка дня уже была исчерпана, перед решеткой Конвента появилась запоздавшая делегация трех секций Сент-Антуанского предместья, бывших инициаторами демонстрации 4 сентября. Пришедшие заявили, что делегации Коммуны и Якобинского клуба «обнаружили, что им чужды истинные стремления народных масс»³⁵. Поэтому народ и решил использовать единственную возможность, которая была в его распоряжении,— самостоятельно выступить со своими пожеланиями и требованиями. Эта делегация потребовала создания секционной милиции вместо революционной армии и, вероятно, удовлетворения тех пожеланий, которые были изложены в упоминавшейся выше петиции народа и не вошли в петицию, представленную Коммуной³⁶.

Председатель собрания Тюрио³⁷ ответил очень кратко на выступление рабочей делегации: «Собрание приняло меры против негодяев, которые хотели бы вызвать голод среди изобилия»,— и закрыл заседание³⁸.

Выступление делегации трех секций Сент-Антуанского предместья заслуживает особого внимания, так как оно дает основание предполагать, что 4—5 сентября народные массы шли в своих требованиях значительно дальше того, что считали приемлемым и допустимым овладевшие движением левые якобинцы.

5 сентября, на вечернем заседании Конвента, Билло-Варенн, игравший в утренних прениях решающую роль, был избран председателем Конвента. Это избрание явилось показателем сильно возросшего среди якобинцев влияния их левого крыла. На следующий день, благодаря включению Билло-Варенна и его друга Колло д'Эрбуа в Комитет общественного спасения, левые якобинцы вошли в центральный орган революционного правительства.

Роль, которую сыграли левые якобинцы в движении 4—5 сентября, давала им основание рассчитывать на активное участие в правительстве, но, по существу, включение в Комитет именно Билло-Варенна было ловким дипломатическим ходом Робеспьера. С одной стороны, это назначение подтверждало одобрение правительством политической линии левых якобинцев, с другой стороны, оно сковывало руки Билло-Варенну и обезвреживало его проекты о создании «Комиссии наблюдения», посягавшей на исключительные права Комитета общественного спасения во главе с Робеспьером.

При обновлении Комитета общественной безопасности правящая партия тоже отдала дань левым якобинцам. В этот Комитет были включены сторонники террористических мероприятий: Вадье, Вулан и др.

Как же расценили движение народных масс 4—5 сентября представители отдельных политических группировок внутри якобинцев?

Прокурор Коммуны Шомет, выступивший 5 сентября в Конвенте с петицией, заявил, что причиной народных бедствий, приведших к открытому выступлению, является возникновение двух новых классов общества: класса, состоявшего из господ, не менее жадных, «не менее наглых, чем старые, поднявшихся на руинах феодализма»³⁹, взявших в аренду или

³⁵ Цит. по книге G. Walter. Op. cit., p. 40.

³⁶ См. *ibid.*, p. 28.

³⁷ Робеспьер, который с момента открытия заседания был председателем собрания, ушел после выступления Билло-Варенна.

³⁸ «*Moniteur*» (Réimpression), t. 17, p. 593 (в тексте опечатка: p. 523).

³⁹ *Buchez et Roux. Op. cit.*, t. XXIX, p. 34.

скупивших имена своих прежних господ, спекулирующих на общественной нужде, и класса скупщиков, «такого же преступного как первый, завладевшего предметами первой необходимости»⁴⁰.

Таким образом, Шомет правильно определил сентябрьскую демонстрацию народных масс как результат обострения классовых противоречий между имущими и неимущими.

Иначе подошли к этому вопросу робеспьеристы. Стоя на позициях мелких буржуа, охранявших незыблемость принципа частной собственности, они закрывали глаза на социальные противоречия и продолжали упорно настаивать на том, что волнение народа было вызвано происками его внутренних врагов — роялистами и агентами иностранных держав. «Роялисты требуют каждый день единой и неделимой республики... [В действительности] они хотят ее уничтожить,— говорил единомышленник Робеспьера Барер.— Роялисты скупают продовольствие или мешают торговым сделкам... и они обвиняют в этом Конвент. Они занимаются денежным ажиотажем, они обесценивают ассигнации... и они снова бросаются на Конвент...»⁴¹

Любопытно, что в своей оценке событий 4—5 сентября Эбер примкнул не к Шомету, а к официальной версии Комитета общественного спасения. «Дело обстояло так, что через несколько дней не было бы ни свободы, ни конституции,— писал он после принятия декретов 5 сентября.— Негодяи, которые нас разъединяют, которые раскупают наше продовольствие... пробрались во все секции и даже народные общества, чтобы распространять там свой яд... Бедные санкюлоты, которые, к сожалению, ничего не видят дальше своего носа, не знали, что все мошенники только переодетые попы и аристократы... И в то время, как тысячи бандитов, состоящих на жаловании у Питта и Кобурга, препятствовали прибытию в Париж продовольствия... на каждом углу среди собравшихся граждан можно было встретить мюскаденов, переодетых угольщиками и каменщиками... «Вот прекрасная республика,— говорили они с хитрым видом,— мы были в тысячу раз счастливее при старом режиме, а эта конституция, при которой нам должны были падать с неба куропатки, не обеспечивает нас даже хлебом»⁴².

Разъясняя санкюлотам значение декретов, принятых 5 сентября 1793 г., «Отец Дюшен» Эбера говорил: «Вот чего добился народ. Вот урожай, который сведет на нет всех скупщиков. Вот решительный удар по аристократии и роялизму... Трепещите, негодяи, хотевшие заковать народ в цепи...— угрожал далее Отец Дюшен.— Трепещите, мюскадены... Трепещите, богачи, разжившие на народной крови... день настал»⁴³.

Сторонники Дантона, представлявшие интересы «новой», образовавшейся во время революции крупной буржуазии, не вдавались в обсуждение вопроса о причинах движения 4—5 сентября, потому что они вообще мало интересовались социально-экономическими проблемами и лишь охраняли свои кошельки от посягательств плебеев. К осени 1793 г. Дантон, возглавлявший эту политическую группировку, постепенно превратился в вождя правого крыла якобинцев. Верный своей тактике приспособления к обстановке, диктовавшейся страхом перед людьми, лишенными собственности и способными, вследствие этого, на любые эксцессы, Дантон безоговорочно присоединился 5 сентября к требованиям левых якобинцев.

⁴⁰ Buchez et Roux Op. cit., t. XXIX, p. 35.

⁴¹ Ibid., p. 45.

⁴² «Père Duchêne», № 282, около 7 IX 1793

⁴³ Ibid.

Характерно, что в этот день при обсуждении конкретных предложений Дантон первый высказался за создание революционной армии.

Соглашательская тактика дантонистов проявилась 5 сентября в их предложениях, касавшихся секционных заседаний и революционных комитетов секций. Именно по инициативе Дантона Конвент принял декрет о сокращении заседаний парижских секций до двух в неделю и об установлении вознаграждения в размере 40 су неимущим гражданам, посещающим эти заседания. Прикрываясь революционной фразой, Дантон мотивировал это свое предложение тем, что неимущие граждане, связанные работой, не имели возможности ежедневно и без вознаграждения уделять время секционным заседаниям, вследствие чего богачи и мюскадены заправляли делами секций. Именно по предложению правого депутата Базира, 5 сентября Конвент предоставил Генеральному Совету Коммуны право производить чистку революционных комитетов секций от нежелательных элементов и назначать на их место новых членов по усмотрению Коммуны (декрет 5—9 сентября)⁴⁴. Громкие фразы об интересах санкюлотов, которыми дантонисты мотивировали свои предложения, были лишь искусной маскировкой политического маневра правых по отношению к внушавшим им страх санкюлотам. Дантонисты преследовали определенную цель — ограничить политические права и политическую роль низовых революционных демократических организаций якобинской диктатуры, очистить их от левых элементов и поставить их в непосредственную зависимость от Генерального Совета Коммуны.

Эбер не понял подоплеку предложений дантонистов о выплате санкюлотам вознаграждения за посещение секционных собраний и отметил издание декрета как большое достижение: «Для того чтобы побудить санкюлотов участвовать на секционных собраниях и выявлять мюскаденов,— писал он,— рабочие будут получать вознаграждение за участие на собраниях секций»⁴⁵.

Совсем иначе отнеслись к декрету 5—9 сентября сами санкюлоты Парижа. Они восприняли его как ущемление своих интересов, и их протест против декрета выразился в немедленном создании целого ряда секционных клубов или обществ, которые, в обход изданного декрета, заседали в помещениях секций в дни, свободные от заседаний секций, и подготавливали дела для общих собраний секций⁴⁶.

Дело дошло даже до организованного протеста со стороны революционно настроенных секций. 17 сентября один из вождей «бешеных» — Варле — выступил в Конвенте с петицией «от имени 48 секций» (на самом деле от 16—17 секций промышленных районов Парижа), в которой требовал отмены закона от 5—9 сентября как позорящего народ Парижа и восстановления перманентности заседаний секций⁴⁷. Конвент встретил выступление Варле ропотом и возмущением, а на следующий день «этот неосторожный молодой человек, оплачиваемый, по мнению депутата Базира, аристократами и действующий заодно с Жаком Ру», был арестован⁴⁸.

⁴⁴ Коммуна широко использовала свое право «чистки» революционных комитетов. Показательно, что из старого состава революционного комитета секции Гравилье (секция Жака Ру) Генеральный Совет утвердил из 12 членов только двух, а остальных назначил вновь. В силу § 9 декрета от 17 сентября, революционные комитеты секций были поставлены в непосредственное подчинение Комитету общественной безопасности

⁴⁵ «Père Duchêne», № 282, около 7.IX 1793.

⁴⁶ Только в период между 11 и 19 сентября возникло свыше 12 секционных обществ.

⁴⁷ «Moniteur» (Réimpression), t. 17, p. 682.

⁴⁸ Ibid.

Для позиции дантонистов в начале сентября 1793 г. крайне показательно их отношение к обновленному Комитету общественного спасения. 6 сентября Дантон отказался от предложения войти в Комитет, явно не желая сотрудничать с только что избранными в него левыми якобинцами Билло-Варенном и Колло д'Эрбуа. Выдвинутый в Комитет в качестве противовеса левым якобинцам умеренный депутат Гране на другой же день отказался от предложенной ему чести, а последний дантонист среди членов Комитета — Тюри 20 сентября вышел из состава Комитета.

События 4—5 сентября 1793 г. имели большое социально-экономическое и политическое значение. В эти дни народные массы Парижа добились основной цели, которая была поставлена ими перед движением, — принятия декретов о максимуме и терроре. Эти революционные мероприятия, обеспеченные организацией революционной армии, законами против иностранцев и подозрительных, преобразованием революционного трибунала и т. д., должны были резко изменить социально-экономическую политику якобинской диктатуры и вдохнуть новую жизненную силу в революционную систему управления страной.

Признание террора — этого плебейского способа совершения буржуазной революции — легальным средством борьбы с внутренними врагами революции свидетельствовало о дальнейшем продвижении революции по тому пути, который указывался ей растущим движением народных масс. Узаконение террора как экономического и политического средства борьбы явилось показателем той силы, той веры в эту силу, которые таило в себе массовое движение и о которых писал В. И. Ленин: «Терроризм великой французской революции... вызван был не разочарованием в силе массового движения, а, наоборот, непоколебленной верой в эту силу»⁴⁹.

Примечательно, что террор, поставленный 5 сентября в порядок дня по настоянию санкюлотов, в первую очередь обрушился на одного из его сторонников — вождя «бешеных» Жака Ру. 5 сентября Жак Ру, сыгравший немалую роль в подготовке демонстрации 4—5 сентября, был арестован по распоряжению Комитета общественного спасения. Арест опасного для якобинцев защитника интересов бедноты оказался возможным по той причине, что левые якобинцы, поведя за собой массы, лишили «бешеных» их социальной базы и содействовали расправе с одним из их наиболее активных вождей. Тот факт, что одни из защитников интересов бедноты — левые якобинцы — помогли правительству расправиться с другими защитниками этих же интересов — «бешеными» — может быть понят лишь при учете неоднородности и сложности плебейской массы, порождавших различные проявления стихийной плебейской линии в революции. На данном этапе революции победа, одержанная 4—5 сентября народными массами Парижа, означала победу плебейской линии над линией буржуазной.

Новый внутривластный курс обзывал якобинцев вывести страну из тяжелого продовольственного кризиса, в частности обеспечить санкюлотов предметами первой необходимости по установленным твердым ценам, организовать беспощадную борьбу с внутренними и внешними врагами и спасти республику как таковую.

В процессе осуществления нового политического курса революционное правительство, вынужденное пойти навстречу требованиям санкюлотов, естественно, должно было считаться и с политическими выразителями их интересов — левыми якобинцами. Этим обстоятельством и объясняется то влияние во всех сферах общественной и политической жизни Франции,

⁴⁹ В. И. Ленин Соч., т. 8, стр. 139

которым пользовались левые якобинцы после событий 4—5 сентября 1793 г. до марта 1794 г. Однако не следует забывать, что единодушие, с которым якобинцы 5 сентября и в последующие дни декретировали революционные мероприятия, было обусловлено чрезвычайными обстоятельствами, требовавшими исключительных мер для их преодоления; противоречивость классовых интересов, характерная для составных социальных элементов якобинского блока, неминуемо должна была рано или поздно привести к дальнейшему обострению и углублению классовой борьбы и к распаду блока.

В событиях 4—5 сентября обращает на себя внимание тот факт, что впервые за все революционные годы инициаторами народной демонстрации явились рабочие, т. е. предпролетарский слой плебейства. Это дает основание назвать ее «плебейским натиском».

В решающие дни начала сентября 1793 г. особенно ярко выявилась роль парижских плебеев в революционном движении конца XVIII в. С одной стороны, они представляли собой силу, которая толкала вперед своим порывом революционную мелкую буржуазию (в равной степени с плебеями страдавшую от материальных лишений) и заставляла ее идти на такие уступки, как принятие террора и максимума. С другой стороны, выводя революцию за рамки, допустимые классовыми интересами буржуазии, парижские плебеи положили начало движению, которое способствовало развитию предпролетарской идеологии в виде коммунизма Бабефа.

Тематически связанные материалы http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

«ТЕРРОР В ПОРЯДОК ДНЯ!» (подборка документов)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС (1792-94 гг.) (подборка документов)

С.Лотте. К проблемам классовой борьбы в эпоху феодализма

С.Лотте. Пролетариат и буржуазия в Великой французской революции

С.Сытин. Рабочие организации во Франции накануне революции конца XVIII в.: историографический обзор

С.Лотте. Рабочий вопрос в Лионе накануне революции

(По поводу одного конкурса, объявленного аббатом Рейналем)

В.Гавриличев. Якобинцы и принудительные налоги на богатых (веснаосень 1793 года)

В.Гавриличев. Народные массы и плебейские революционеры Сент-Антуанского предместья летом 1793 г.

Р.Тонкова-Яковкина. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора

Р.Монье. Сент-Антуанское предместье (1789-1815)

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции

К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции

Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение

Я.Захер. Движение «бешеных»

Я.Захер. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация

В.Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке

В.Волгин. Социальные и политические идеи во Франции перед Революцией

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

Л.Гордон. Некоторые итоги изучения запрещенной литературы эпохи Просвещения (вторая половина XVIII в.)

Об авторе

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p167304827.htm>